

Р.А. Сетов

ПРИЧИНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ПОСТАНОВКИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

R.A. Setov

CAUSES OF WORLD WAR II: THEORETICAL PROBLEMS

Аннотация. Вторая мировая война стала многомерным, сложным конфликтом, в котором происходили и переплетались, взаимодействуя и оказывая влияние друг на друга, сразу несколько масштабных и малых вооруженных конфликтов. Часть из них уже имела место, начавшись до 1939 г., часть была межгосударственными конфликтами, не перешедшими ранее в фазу вооруженного противоборства, часть возникла и стала осевой для системы международных отношений уже после сентября 1939 г. В связи с таким переплетением конфликтов возникает необходимость уточнить вопрос о причинах Второй мировой войны. В целях выдвигания научной гипотезы о причинно-следственной связи между структурными особенностями системы и условиями начала войны стоит вести речь прежде всего о наличии функционального ядра в системе (обеспечивающего ее стабильность) и о его состоянии накануне войны. Другой комплекс проблем связан с существованием полюсов (центров сосредоточения мощи и принятия военно-политических решений) в системе, равно как и с процессом поляризации (наращивания противостояния интересов) этих центров. В основе предлагаемой концепции происхождения Второй мировой войны и условий ее начала лежит тезис о том, что сложившееся в период между двумя мировыми войнами системное состояние не было многополярным. Поляризация (как процесс резкого расхождения интересов внутри группы великих держав) привела к складыванию биполярности как нового макроструктурного принципа организации системы. На определенном этапе это положение

Сетов Роман Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Setov Roman Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-916-042-67-40; setovroman@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

дел дополнила смена лидера по мощи на глобальном уровне. Состояние системы международных отношений в 1939 г. приобрело принципиально новое макроструктурное качество — незавершенную (или кластерную) биполярность. Эта особенность возникла в силу незаконченности процесса формирования противоборствующих военно-политических союзов. Таким образом, центральный комплекс теоретических проблем, поставленных в статье, будет связан с оценкой той роли, какую накопление мощи и борьба за лидерство в этой области сыграли в формировании условий для возникновения Второй мировой войны.

Ключевые слова: макроструктура, система, мощь, биполярность, международные отношения, мировая война, безопасность.

Abstract. The Second World War was a multidimensional, complex conflict covering several large-scale and narrow armed conflicts which intertwined, interacted and influenced one another. Some of them had already been existent, starting before 1939; some were interstate conflicts that had not previously moved into the phase of armed confrontation, some did not emerge or become the pivot for the system of international relations until September 1939. In connection with this intertwining of conflicts it would appear necessary to clarify the question of the causes of the Second World War. In order to put forward a scientific hypothesis about the causal relationship between the structural specificity of the system and the conditions for the start of the war, we should discuss, first of all, whether the system had a functional core (ensuring its stability) and what was its state in on the eve of the war. Another set of problems is related to the political poles (centers where power concentrated and the military-political decisions were made) in the system, as well as to the process of polarization (increasing confrontation of interests) of these centers. The proposed concept of the origin of the Second World War and the conditions for its outbreak is based on the thesis that the systemic state that emerged in the period between the two world wars was not multipolar. Polarization (as a process of a sharp divergence of interests within a group of the major powers) led to the emergence of bipolarity as a new macrostructural principle of system organization. At some stage the state of affairs was complemented by the change of the leading power at global level. The state of the system of international relations in 1939 acquired a fundamentally new macrostructural quality — incomplete (or cluster) bipolarity. This feature arose because the process of forming conflicting military-political alliances was far from being completed. Thus, the central complex of theoretical problems posed in the article will involve an assessment of the role that the accumulation of power and the struggle for leadership in this area played in shaping the conditions for the outbreak of World War II.

Keywords: macrostructure, system, power, bipolarity, international relations, world war, security.

* * *

Стремление поставить теоретические проблемы, связанные с происхождением и историческим значением Второй мировой войны, ни в коей мере не отрицает существующие разумные истори-

ческие концепции о ее происхождении. Однако стоит согласиться с замечанием, которое некогда сделал известный британский исследователь, автор книги о международных отношениях между двумя мировыми войнами («Двадцатилетний кризис») Эдвард Хэллет Карр: «Сказать, что Вторая мировая война произошла потому, что Гитлер хотел войны, — достаточно верно, но это не объясняет ничего»¹.

Действительно, Германия была инициатором войны, начавшейся в Европе и превратившейся в мировую. К. Макнаб в своей работе целую главу о военных приготовлениях Германии в конце 1930-х гг. называет «Неизбежность войны»². Однако только так невозможно объяснить, почему именно в сентябре 1939 г. агрессия против Польши задала формат превращения европейской войны в мировую. Мы скорее согласимся с Дж. Блэйни: «Мысль о том, что одну страну можно больше других обвинять в создании причин войны столь же ошибочна, как и мысль о том, что одну страну стоит восхвалять за окончание войны. Большая часть современных объяснений войны, тем не менее, основана на этих ошибках»³. В этой связи важно следующее. Схема объяснения происхождения Второй мировой войны, выстроенная как формула «все события плюс цели субъектов» недостаточна для того, чтобы решать проблему происхождения войны (причинно-следственной связи событий), да еще и с выведением именно неизбежности войны из устремлений великих держав. Ни одна из встречающихся в научной литературе и публицистике гипотез о том, что мировую войну можно было *предотвратить* (например, в случае заключения англо-франко-советского военного союза в августе 1939 г.), также не является ни общепризнанной, ни убедительной⁴.

Между тем вместо рассуждений о «неизбежности» войны разумным может оказаться оперирование термином «потенциальная реальность». Потенциальная реальность в понимании современных специалистов в области теории систем представляется, например,

¹ Цит. по: Schweller R.L. *Deadly Imbalances. Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest*. New York, 1998. P. 3. Эту фразу Р. Швeller взял из статьи Э.Х. Карра «Что есть история?» (1961).

² Макнаб К. Секретные планы нацистов. Новый порядок для покоренного мира / Пер. с англ. Д. Евтушенко. М., 2016.

³ Blainey J. *The Causes of War*. 3d ed. New York; London; Toronto; Sydney, 1988. P. 292.

⁴ Например, М. Бубер писала, что для Сталина было «проще простого летом 1939 г. договориться с западными державами. Тем самым он, вероятно, избавил бы человечество от второй мировой войны». — Бубер-Нейман М. *Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920–1930-х годах* / Редакция и перевод А.Ю. Ватлина, Л.И. Ватлиной. М., 1995. С. 259.

так: «В отличие от линейных, в нелинейных системах имеются неустойчивые, нереализованные, но реализуемые стационарные состояния»⁵. В нашем случае потенциальная реальность — как возможное будущее стационарное состояние — это контуры нового (по качественным и количественным параметрам) состояния системы международных отношений. В самой системе как бы «заложены» ее будущие возможные черты и характеристики. «Выход на поверхность» этих качеств обусловлен действием дальнейших внутренних импульсов, которые получает система и/или в складывании особых условий для преобразования потенциальной реальности в реальность актуализированную, существующую «де-факто». В центре нашего внимания будет комплекс проблем, связанных с содержанием макроструктурных сдвигов в системе международных отношений конца 1930-х гг. и с созданием особых условий, при которых война превратилась в реальность.

В основе предлагаемой нами концепции происхождения Второй мировой войны и условий ее начала лежит тезис о том, что сложившееся в период между двумя мировыми войнами системное состояние не было «многополярным». Сам термин «многополярность», стоит заметить, является хотя и широко распространенным, но не бесспорным. О философской и гносеологической противоречивости этого понятия не раз писал Э.Я. Баталов⁶. Мнение этого ученого таково: рассуждения об «однополярности» и «многополярности» — «чистая бессмыслица». «Ведь “полюс” в системе международных отношений — не любой центр силы..., а центр силы особого рода: наделенный эксклюзивными характеристиками, отсутствующими у обычных центров силы, он может существовать в рамках политико-силовой системы лишь в сочетании с другим, но только одним (!) аналогичным ему центром. “Полюсов” может быть либо два, либо ни одного. И политические системы могут быть соответственно либо “двухполюсными” (но, конечно же, не “биполярными”), а иначе сказать — просто “полюсными”, либо вовсе бесполюсными». Между тем в современной международно-политической риторике «многополярность» чаще всего подразумевает существование в мировой политике нескольких (не менее трех) «полюсов» или «центров силы» в лице отдельных великих держав. Эти «полюсы», как предполагается, служат своего рода «центрами притяжения» для менее мощ-

⁵ Костюк В.Н. Потенциальная реальность // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник, 1992–1994. М., 1996. С. 118.

⁶ Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005. С. 131–132; Он же. О философии международных отношений. М., 2005. С. 43–44.

ных и значимых в мировой политике самостоятельных элементов (государств).

Таким образом, общепринятое сегодня употребление термина «многополярность» предполагает по меньшей мере три важные коннотации: 1) отсутствие конечного числа возможных «полюсов» (или «центров силы») в мировой политике; 2) если «полюсов» в системе более двух, то это предполагает их относительно самостоятельное развитие; при этом «полюсы» обладают очевидной свободой поведения во взаимодействии друг с другом; 3) такое положение дел, в свою очередь, предполагает значительно большее число возможных комбинаций структурных связей между ними самими, равно как и между ними и с другими элементами (с довольно широким разбросом вариантов по спектру «сотрудничество–соперничество»). Отметим, что в отличие от «биполярности» понятие о «многополярности» не содержит прямого указания на закономерности взаимодействия элементов структуры («полюсов», центров мощи и принятия решений). При существовании только двух «полюсов» линия взаимодействия между ними только одна (это может быть или конфликт, или сотрудничество, или иное сочетание качеств взаимодействия двух элементов). При наличии трех «полюсов» (допустим, великих держав) в системе таких линий потенциального взаимодействия существует всего три, а вот системное состояние с семью великими державами предлагает уже 21 вариант возможных взаимодействий между ними. В этом смысле вполне можно понять иронию Р. Швеллера, который говорит о том, что есть существенная разница в изменения состояния системы в зависимости от увеличения числа этих условных «полюсов»: «от 7 к 8 или от 50 к 51»⁷. Заметной проблемой в теоретических трудах всегда выступает и соотнесение наличия «полюсов» с процессом «поляризации» в системе, ибо это не одно и то же.

На наш взгляд, несколько относительно независимых центров военно-экономической мощи и принятия политических решений (великие державы) в 1920-е гг. весьма условно можно называть «полюсами». Также весьма непросто определить «полярность» позиций всех великих держав, поскольку вплоть до 1939 г. не было полноценных «полюсов», формирующих военно-политические союзы и нацеленных на полномасштабное противоборство друг с другом. Идеино-политическое противостояние капиталистических государств с Советским Союзом «полярность» в системе не создавало. Международные отношения 1930-х гг. — макроструктура, изначально основанная на «соотношении мощи» великих держав (т.е. именно

⁷ Schweller R. Op. cit. P. 40.

то, что обычно называют “balance of power system”). Особенностью такой структуры было не примерно равновеликая мощь всех великих держав, а долговременное доминирование заинтересованных в сохранении Версальского миропорядка Великобритании и Франции. Эти две самые мощные (до рубежа 1930-х гг.) великие державы составляли функциональное ядро системы. Общее состояние системы международных отношений до начала 1930-х гг. характеризовалось гибкой и динамичной стабильностью. Основу такой стабильности создавало соотношение мощи между ведущими государствами, которые были заинтересованы в сохранении Версальского миропорядка, с одной стороны, и возможными «ревизионистами», стремившимися изменить миропорядок. — с другой. Это соотношение до 1938 г. было в пользу первой группы великих держав. Наличие пяти (по непосредственным итогам «великой войны») и появление затем семи великих держав отражало, прежде всего, процесс усложнения системы международных отношений и рост вариативности взаимодействий элементов в ее рамках. К 1935 г. произошло заметное ослабление позиций доминировавших держав за счет перехода Японии и Италии на позиции пересмотра основ Версальского миропорядка.

Другим важнейшим фактором ослабления функционального ядра и его возможностей по поддержанию стабильности был приход нацистов к власти в Германии. Формирование коалиционных отношений между потенциальными «ревизионистами» заняло время, но в итоге этот новый особый «клуб» составили три великие державы, которым к 1938 г. удалось довольно успешно реализовать часть своих масштабных целей. Как замечает И. Модсли, «державы Оси стремились к свержению Парижско-Вашингтонского глобального порядка». «Лидеры этих стран, бросившие вызов системе, обладали значительной общественной поддержкой, ибо многим была очевидна несправедливость действовавших договоров»⁸. Особую роль сыграло и объективное усиление СССР, не заинтересованного в сохранении версальских устоев полномерно и в прежнем виде. В то же время изоляционистская в своей основе позиция США послужила удобным для «ревизионистов» фоном для энергичных действий — как раздельно, так и согласованно (с 1936 г.) По сути дела, в середине 1930-х гг. вместо функционального ядра как гаранта стабильности в системе осталось сотрудничество Великобритании и Франции в сферах некоторых общих интересов. Это сотрудничество было не

⁸ Mawdsley E. Word War II . A New History. Cambridge (UK); NewYork; Melbourne, 2009. P. 4.

военно-политическим союзом, а проявлением более или менее согласованной политики в отношении проблем безопасности в Европе и, частично, в иных значимых регионах мира. Как считает Р. Овери, тогда все противоречия великих держав не делали войну неизбежной, но делали ее более вероятной. При этом «в системе только две державы были заинтересованы в ее сохранении»⁹. Действительно, на каком-то этапе более или менее скоординированная политика двух держав прослеживалась в отношении Германии и Италии. По отношению к Японии и СССР эти государства часто демонстрировали существенные различия в подходах и в целях проводимой ими политики. В отношениях с Вашингтоном ни Лондон, ни Париж не имели возможности оказать серьезное влияние на его позицию и преодолеть обусловленную, прежде всего, идеологией изоляционизма отстраненность Америки от европейских коллизий.

Система международных отношений вступила в период фазового перехода, как нам представляется, в 1938 г. Именно тогда окончательно определилась и нашла общие интересы группа «силовых ревизионистов», т.е. тех государств, которые «бросили вызов» основам миропорядка. Именно они достигли не только самостоятельных успехов, но и вышли на тот уровень мощи, при котором могли претендовать на роль нового функционального ядра и, стало быть, задать основные характеристики обновлению структуры и всего системного состояния международных отношений.

Если попытаться дать оценку факторам перехода системы международных отношений к новому состоянию, то можно выстроить их примерно так. Первым по значимости мы считаем изменение соотношения совокупной мощи между странами, составлявшими функциональное ядро системы и объективно бывшими «хранителями порядка» (Великобритания и Франция) и между теми странами, которые стремились либо кардинально изменить миропорядок, либо не считали необходимым и возможным этот порядок сохранять.

Особую роль здесь играла нацистская Германия, поскольку она вышла на уровень превосходства мощи над главным соперником и прежним лидером мирового масштаба — Великобританией. С середины 1930-х гг. происходил процесс ослабления мировых позиций Великобритании. Это не было только последствиями невысоких темпов развития страны. Скорее, стало общим итогом тренда на снижение роли Великобритании в мировой экономике, который наметился еще в начале XX в. По подсчетам, например, Дж. Миэршаймера, использующего сравнение «удельного веса» европейских

⁹ *Overy R. The Origins of the Second World War. 3d ed. London, 2008. P. 8.*

стран (relative share of European wealth)¹⁰, динамика позиции Соединенного Королевства такова: в 1880 г. — 59 %, в 1920 г. — 40%, а в 1930 г. — только 27%. Позиция Германии за тот же период — рост от 20% в 1880 г. до 33% в 1930-м. Наконец, в 1940 г. Германия демонстрирует явное преобладание над Великобританией: она обладает 36%, а у основного противника только 24%. К. Кук и Дж. Стивенсон приводят следующие цифры. Население (а, следовательно, и военные, и трудовые ресурсы) Германии в 1939 г. приблизилось к 80 млн человек; в Великобритании жило около 46 млн, во Франции — 41 млн. В мировом масштабе промышленная мощь Германии уступала только США. Во второй половине 1930-х гг. Германия занимала первое место в мире по производству основных продуктов химической промышленности, по производству алюминия. Уже в 1935–1938 гг. Германия заметно превзошла и Францию, и Великобританию по основным показателям тяжелой промышленности (потребление электроэнергии, добыча каменного угля и лигнита, производство стали). По протяженности железных дорог Германия давно уже обошла своих соперников: уже в 1920 г.(!) в стране их было 57 545 км; в Великобритании — 32 707 км, во Франции — 38 200 км. Построенные уже при власти нацистов автобаны (свыше 4 тыс. км) вместе с железными дорогами давали Германии более развитую и эффективно применимую в условиях войны логистическую инфраструктуру. Заметное отставание Германии от Великобритании (но не от Франции) было только в производстве автомобилей (грузовых и легковых): к 1940 г. в Германии производилось 338 тыс. штук, в Великобритании 445 тыс., во Франции 227 тыс.¹¹ Другой традиционно передовой отраслью для Великобритании оставалось судостроение, но в этой сфере Германия могла похвастать не количеством построенных кораблей, а быстрым ростом производственных мощностей для ВМФ (особенно для строительства подводных лодок).

В течение 1935–1938 гг. сухопутный и авиационный компонент вооруженных сил Германии вышел на уровень, сопоставимый с потенциалом главного соперника в Европе — Великобритании, а по многим показателям и превзошел его. В 1939 г. немецкое военное производство уже в 3,5 раза превышало британское. Р. Швеллер оценивает соотношение военных расходов Германии и Соединенного Королевства в 1939 г. как 100 к 29¹². Он же выдвигает и свою кон-

¹⁰ *Mearscheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York; London, 2001. P. 71. В основе индекса — объемы производства в черной металлургии и потребление энергии.

¹¹ *Кук К., Стивенсон Дж.* Европа в двадцатом столетии. Справочник издательства «Лонгман» / Пер. с англ. М., 2005. С. 281–282.

¹² *Schweller R.* Op. cit. P. 207.

цепцию для сравнения мощи великих держав. Мощь государства у Р. Швеллера — это «критическая масса + экономические возможности + военные возможности». В итоге по военным возможностям расчеты Швеллера первое место в мире отводят Германии, второе — Советскому Союзу, третье — Великобритании, а США (в 1938 г.) находятся всего лишь на седьмом месте (последнем в списке великих держав)¹³. Итоговое ранжирование (Final Power Ranking) в 1939 г., по убыванию совокупной мощи от первого места вниз, Швеллер представляет так: Германия, СССР, США, Великобритания, Япония, Франция, Италия.

Со Швеллером можно полностью согласиться в том, что самым мощным государством в Европе летом 1939 г. была Германия. Она интенсивно готовилась к войне уже с 1936 г. При власти нацистов произошел небывалый рост военных расходов. По сравнению с 1932 г., по подсчетам К. Макнаба, прирост расходов на вооружение в Германии составил свыше 2 000%¹⁴. Б. Лиддел Гарт, впрочем, считал, что немецкая армия не была полностью готова к войне, и поначалу она «добилась своих побед не потому, что обладала численным превосходством или была по-настоящему современной армией, а потому, что в своем развитии оказалась на несколько важных ступеней выше, чем ее противники»¹⁵. Действительно, как верно замечает Дж. Корум, «в 1933 году, став канцлером, Гитлер унаследовал армию с самым лучшим командованием, с лучшей подготовкой и, возможно, самую современную». Структурные и организационные реформы, проведенные еще в середине 1920-х гг. усилиями генерала Ганса фон Зеекта и других военных, были нацелены на повышение уровня боевой подготовки, совершенствование стратегии и тактики. Рейхсвер никогда не испытывал «интеллектуальной стагнации», что было бедой многих армий¹⁶. Выполнение двух программ перевооружения (1928–1933 и 1933–1938 гг.), а затем отказ от Версальских ограничений и реализация множества иных военных проектов — всё это позволило нацистскому рейху быстро пройти путь от обладания небольшой контрактной армией к созданию и миллионного вермахта, и военно-мобилизационной системы, способной поддерживать его в любой «большой» войне¹⁷. Уже в 1936 г. вермахт по личному составу

¹³ Ibidem.

¹⁴ Макнаб К. Указ. соч. С. 40.

¹⁵ Лиддел Гарт Б.Г. Вторая мировая война. М.: СПб., 1999. Ч. 1. Гл. 2. Соотношение сил перед началом войны.

¹⁶ Corum J.S. The Roots of Bliztzkrieg. Hans von Seeck and German Military Reform. Lawrence (Kansas), 1992. P. IX.

¹⁷ История западноевропейских армий / Под ред. В.А. Золотарева. М., 2003. С. 264–305.

приблизился к цифре в 800 тыс. человек. Промышленность выпускала более 100 танков в месяц, а всего танков было уже около 1,5 тысяч. Военно-воздушный флот тогда уже достиг уровня в 4500 машин, из них 1900 — самолеты первой линии (предназначенные для непосредственного участия в боевых действиях). Техническое оснащение вооруженных сил Германии было отнюдь не безупречным, но в то же время «на одного солдата пехотной дивизии приходилось в 4 раза больше технических средств, чем до 1914 года»¹⁸. Вооружение одной германской пехотной дивизии, что признают многие авторы, превосходило возможности дивизий ее противников: кроме стрелкового оружия солдат и офицеров имелось 442 пулемета, 135 минометов, 24 гаубицы, средства борьбы против танков. Правда, в 1939 г. германские войска еще не достигли высшего (сравнимого с Великобританией) уровня моторизации¹⁹.

Как замечал К. Грэй, «Вторая мировая война была конфликтом, форма которого была задана второй промышленной революцией. Эта война была первой массированно механизированной войной, хотя солдаты германской, самой мощной из участвовавших армий, отправлялись в бой, имея за собой тыловое обеспечение, основанное на гужевой тяге»²⁰. Действительно, в вермахте ощущалась нехватка и автомобилей, и полугусеничных тягачей для артиллерии. Однако общая мобильность германских сухопутных сил была довольно высокой: она обеспечивалась не только железными дорогами и автотранспортом. В каждой пехотной дивизии при полном штате имелось 6 тысяч лошадей (т.е. примерно одна лошадь на трех солдат), мотоциклы и даже 200 велосипедов²¹. Танковые дивизии и бригады вермахта соответствовали общей концепции использования бронетехники — компактными группами, нацеленными на выполнение определенных тактических задач. С покорением Чехословакии Германия поставила себе на службу весь экономический потенциал этой страны. К 1940 г. четверть всех необходимых Германии качественных вооружений производилось на территории Чехии (теперь называвшейся «протекторатом Богемии и Моравии»). Вермахт сразу получил всё военное имущество ЧСР: свыше 2 тысяч единиц полевой артиллерии, 469 танков, 500 единиц артиллерии ПВО и 3 млн боеприпасов к ним, 43 тыс. пулеметов, свыше 1 млн винтовок, 114 тыс. пистолетов

¹⁸ Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012. С. 122.

¹⁹ Максимальный уровень обеспечения автотранспортом был достигнут к 1941 г. — 610 тысяч единиц.

²⁰ Gray C.S. *Modern Strategy*. Oxford (UK); New York, 1999. P. 186.

²¹ Максимальное количество лошадей в вермахте по состоянию на июнь 1941 г. — 817 тысяч.

и свыше миллиарда (!) единиц боеприпасов для стрелкового оружия. Ясно, что очень серьезным фактором в пользу Германии было и расформирование армии Чехословакии из 35 дивизий.

Самым важным фактом в смысле укоренной подготовки к войне было то, что именно в первой половине 1939 г. вермахт испытал «прыжок вверх» в численности и оснащении. В Германии дееспособное население составляло 43,5 млн чел. «Около 22 млн мужчин и 13,8 млн женщин ... являлись рабочими, служащими в 20 крупнейших отраслях экономики. Эти людские резервы позволяли безболезненно призвать 5 млн человек для наращивания численности вермахта»²². Принятие в марте нового мобилизационного плана предполагало (в течение 1939–1940 гг.) создание 103 соединений, в том числе 86 пехотных дивизий, 3 горнострелковых, 4 моторизованных, 5 танковых. В итоге выполнения этого плана к началу войны с Польшей все сухопутные войска Германии²³ насчитывали 2,7 млн человек при 1 млн человек резерва. В то же время в состав вооруженных сил Германии следует включить и 677 тыс. человек, служащих в военно-воздушных силах, 122 тыс. — в военно-морском флоте²⁴. Войска СС как строевые части тогда составляли только 23 тыс. человек, а прочие вспомогательные силы — до 500 тыс. Общая цифра военнослужащих Германии в 1939 г. (вместе с резервом) — 4 млн 528 тыс. человек. Ни одно государство в Европе в 1939 г. не могло выставить сопоставимые сухопутные силы. Только в СССР личный состав РККА был близок к цифре в 2 млн человек, а Великобритания и Франция без проведения полной мобилизации даже вместе не могли похвастать сходными показателями.

Военно-воздушные силы составляли значительную часть ударной мощи Германии. Ее промышленность в 1938 г. произвела 3 350 боевых самолетов и 1885 иных (транспортных, предназначенных для воздушной разведки и пр.), в 1939 г. — 4 773 единиц и 3 562 соответственно²⁵. К началу войны вооруженные силы имели 4 093 самолета, в том числе как минимум 3646 были в полной боевой готовности. Довольно сильной была и система противовоздушной обороны: 1217 зенитных батарей (2 600 пушек для борьбы с высоко

²² История западноевропейских армий. С. 296.

²³ В это число входят гарнизоны приграничных и укрепленных районов, а также строительные войска.

²⁴ В «Истории второй мировой войны» указываются другие цифры: 373 тыс. и 159 тыс. соответственно.

²⁵ По данным энциклопедии «Британника». — URL: www.britannica.com/event/World-War-II/Forces-and-resources-of-the-European-combatants-1939 (дата обращения 04.09.2021).

летающими целями и 6 700 пушек для поражения низколетящих и пикирующих самолетов, 188 прожекторных батарей и пр.).

Военно-морской флот Германии являлся наиболее слабым элементом вооруженных сил по сравнению с флотами ее главных противников. В его состав в начале войны входили 107 боевых кораблей, но среди них в строю находилось только 2 линкора (против 22 совокупно у англичан и французов), 2 тяжелых и 3 «карманных» крейсера, 6 легких крейсеров, 22 эскадренных миноносца, 57 подводных лодок. Авианосных кораблей у Германии не было вообще. В стадии постройки находились еще 35 кораблей.

В итоге вермахт к началу войны смог развернуть не менее 56 дивизий против Польши, 31 дивизию держать на западе (непосредственно вдоль границ с Францией и Бельгией), продолжать строительство системы оборонительных сооружений («линию Зигфрида») и еще 15 дивизий оставить для обороны в центре страны. В составе сил, подготовленных для польской кампании, было 2 500 танков и бронемашин, предполагалось использовать около 2 000 самолетов.

Все явные приращения мощи Германии перед войной, впрочем, не означали ее безусловного и непреходящего военного доминирования на континенте. В случае войны с англо-французской коалицией в 1939 г. она отнюдь не обладала заведомым превосходством по всем направлениям. В случае одновременного ведения боевых действий на два фронта на суше, а также на море Германия вряд ли могла везде рассчитывать на успех. Однако в пользу Германии было то обстоятельство, что готовых к бою частей у Великобритании и Франции было в реальности меньше, чем предполагали показатели общей военной статистики. По мнению Лиддел Гарта, французское командование могло выставить против Германии 85 дивизий. Общая статистика показывает, что Франция в целом располагала большим потенциалом в 2,7 млн человек личного состава для вооруженных сил (по другим данным — 2,24 млн), но такие показатели достигались только проведением полной мобилизации. На море возможности страны выглядели весьма прилично: французский ВМФ представлял собой серьезную силу и был одним из лучших в мире: 296 боевых и вспомогательных судов, включая десятки подводных лодок и два авианосца. Для ведения боевых действий на суше возможности Франции выглядели более проблематично. Из общего количества от 80 до 94 сформированных в случае мобилизации дивизий только 20 были бы кадровыми (тип «А»), а остальные (тип «Б») — на 55% собраны из резервистов. Вооружение дивизий типа «Б» было значительно хуже. Мало того, списочный состав расположенных на территории самой Франции сухопутных сил (до

проведения мобилизации в конце августа — начале сентября) был всего 425 тыс. человек²⁶.

Франция, будучи гораздо слабее Германии в экономическом отношении, заметно запаздывала с военными приготовлениями. Военный бюджет испытал быстрый рост только в 1939 г. Производство танков во Франции начало расти только непосредственно перед войной: в 1936 г. промышленность выпустила 467 машин, в 1937 г. — 486, в 1938 г. — 493, а в 1939 г. — уже 1059 (за январь–июнь 1940 г. было выпущено еще 854 штуки)²⁷. Общее количество танков во французской армии к началу войны составляло 1300, из которых 1100 было легкими. Авиация также оставляла впечатление запаздывания в подготовке к войне. Всего в ВВС Франции накануне войны было около 2000 боеготовых самолетов («первой линии»). Среди них, как указывал 16 августа 1939 г. на переговорах в Москве член французской делегации генерал Вален, примерно 2/3 представлены современными машинами. К 1940 г., по словам генерала, Франция сможет иметь до 3000 самолетов «первой линии». У Франции также будет возможность через три месяца после начала войны нарастить производство так, чтобы покрывать потери самолетов «в пропорциях, сравнимых с прошлой войной»²⁸. Вален на переговорах несколько приукрасил реалии: летом 1939 г. самолетов у Франции было меньше, явно устаревшими были почти все из 643 боеготовых бомбардировщиков и 131 из 634 истребителей²⁹.

Великобритания имела небольшую, но хорошо подготовленную регулярную армию (19 дивизий) и собиралась создать «территориальную полевую армию» в составе 26 дивизий. В случае возникновения войны предполагались совместные с Францией действия против Германии и Италии. Основные силы на суше должна была предоставить Франция (около 100 дивизий), а английское командование с началом войны должно было предпринять активные действия силами военно-морского флота и авиации, а также послать во Францию 4 пехотные дивизии³⁰. Такое «разделение труда» было основано на уверенности в явном превосходстве флота над Германией.

²⁶ История западноевропейских армий. С. 174.

²⁷ Jackson J. The Fall of France. The Nazi Invasion of 1940. Oxford; New York, 2003. P. 14.

²⁸ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. / Министерство иностранных дел СССР. Т. 2. М., 1990. Док. 559. С. 234.

²⁹ Такие данные приводит энциклопедия «Британника». — URL: www.britannica.com/event/World-War-II/Forces-and-resources-of-the-European-combatants-1939 (дата обращения 03.08.2021).

³⁰ История западноевропейских армий. С. 73.

Британский королевский ВМФ был самым крупным в мире. «15 линейных кораблей и линейных крейсеров, 7 авианосцев, 64 крейсера, 184 эсминца, 47 тральщиков и кораблей береговой обороны, 58 подводных лодок. В авиации берегового командования имелось 232 боевых самолета, сведенных в 17 эскадрилий, около 500 самолетов находилось на авианосцах и 490 в резерве»³¹. Из этого количества против Германии можно было использовать основную часть ВМФ (она базировалась в гаванях Скапа-Флоу, Хамбер и Портленд). Готовились к войне и королевские ВВС (на территории метрополии они были сведены в 78 эскадрилий — 1456 боевых самолета, в том числе 536 бомбардировщиков). Около 2 тыс. машин находилось в резерве. В заморских владениях находились еще 34 эскадрильи (435 самолетов), из которых 19 базировались на Среднем Востоке, 7 — в Индии, 8 — в Малайе.

Главный итог этих простых сопоставлений состоит в том, что мощь Германии, необходимая для начала успешной войны, по многим показателям превышала потенциал наиболее сильной из стран, стремившихся такую войну предотвратить (Великобритании). Более того, в 1939 г. Германия обрела возможность не только начать, но и довольно долго вести «большую войну» против своих главных противников.

Какой потенциал может содержать в себе событие или, скорее, процесс перехода лидерства в обладании совокупной мощью среди великих держав? Разумный ответ на этот вопрос предлагает теория «смены лидера в уровне мощи» (power transition theory). Ее положения сформулировали А.Ф. Кеннет Органски и Дж. Куглер. Главная гипотеза этой теории состоит в объяснении причин войн (включая и мировые) как ситуаций, в которой наиболее мощная страна слабеет, а ее главный соперник, оспаривающий место регионального или глобального лидера (гегемона), достигает уровня мощи «старого» лидера, а то и превосходит его. Суть гипотезы о возрастании вероятности «большой войны» кратко представлена так. «Доминирующая страна и та, что оспаривает ее ведущую роль, очень вероятно, будут воевать друг с другом тогда, когда бросающее вызов государство превзойдет в своей мощи доминирующую страну»³². С этой позиции сторонники теории «транзита мощи» выдвигают тезис о том, что при сближении уровней мощи гегемона и его главного соперника (уже при достижении «паритета», примерного равенства возможностей, но еще до полного преобладания второго над ослабевшим первым) создается опасное в смысле возникновения войны «поле».

³¹ Там же. С. 74.

³² *Organski A.F.K., Kugler J. The War Ledger. Chicago, 1980. P. 260.*

В этом «поле» могут быть реализованы несколько возможных сценариев. Набирающее силу государство, уже «бросившее вызов» лидеру, может пойти на войну с ним в целях скорейшего занятия его места. Может, напротив, проявиться стремление слабеющего гегемона начать войну «превентивно» с целью сохранить свои позиции и не дать сопернику достичь вершин регионального или глобального лидерства. Х. Хоувлинг и Дж. Сиккама дополняют теорию перехода лидерства в обладании мощностью еще и понятием о «критических точках» на траектории развития военно-экономических возможностей той ли иной страны. В таких точках, как полагает этот авторский дуэт, вероятность возникновения войны особенно возрастает³³. В том, что касается ситуации накануне Второй мировой войны, то эти ученые рассматривают ее именно как период «транзита», смены лидера по уровню достигнутой мощи.

Авторитетный Дж. Васкес не разделяет уверенности в том, что теория «транзита мощи» может объяснить происхождение всех войн, но полагает, что этот переход лидерства от одной державы к другой стоит рассматривать как «фактор, который может увеличивать вероятность возникновения войны при наличии других факторов»³⁴. В отношении мировых войн мы находим у Васкеса весьма здравые суждения. «Мировая война — не намеренно созданный (unintended) исключительно сложный социальный феномен, который возникает в силу редкого сочетания нескольких факторов»³⁵. «Мировые войны связаны с тремя необходимыми условиями: 1) многополярное распределение возможностей в системе, 2) система союзов, которая сводит эту многополярность к существованию двух враждебных блоков и 3) создание двух блоков, ни один из которых не обладает явным преобладанием своих возможностей над другим. При наличии этих трех условий войны, которые могут распространяться, будут распространяться до максимально широкого масштаба и до самой крайней ожесточенности. И, наоборот, в отсутствии одного из этих условий, война между примерно равными соперниками (war of rivalry) не станет мировой войной»³⁶. Р.Н. Либоу, например, полагает, что решение Гитлера начать войну было основано не только на осознании превосходства мощи Германии над своими противниками.

³³ Houweling H.W., Siccama J.G. A Two-Level Explanation of World War // Parity and War. Evaluations and Extensions of "The War Ledger" / Ed. by J. Kugler and D. Lemke. University of Michigan Press, 1996. P. 112.

³⁴ Vasquez J.A. When Are Power Transitions Dangerous? An Appraisal and Reformulation of Power Transition Theory // Parity and War. Evaluations and Extensions of "The War Ledger". P. 53.

³⁵ Vasquez J.A. . The War Puzzle. Cambridge (UK), 1993. P. 261.

³⁶ Ibid. P. 248.

Свою роль сыграло видение Гитлером «ускользающей возможности разделить своих врагов и нанести им поражение поодиночке», дополненное «довольно иррациональным страхом быть окруженным Францией, Британией и Россией»³⁷.

В работах Дж. Васкеса и Р. Швеллера особо подчеркнута важность проблемы «поляризации» в отношениях великих держав. «Полярность» (как наличие центров мощи в системе) и «поляризация» (как расхождение их интересов) — это не одно и то же, прямо пишет Р. Швеллер. Дж. Васкес выдвигает в целом верную гипотезу о связи макроструктурных особенностей миропорядка, которые ведут к большим войнам. Он полагает, что в ходе продолжительного конфликта между великими державами, который становится прямым соперничеством (*rivalry*), идет формирование военно-политических союзов. Это ведет к поляризации в системе и к многочисленным эффектам, которые усиливают восприятие угрозы и, в свою очередь, ведут к поведению, которое становится все более конфликтным³⁸. Васкес особо указывает, что степень поляризации в системе (т.е. противоположности интересов отдельных государств и их групп) испытала падение в период с 1920 по 1935 г. и продемонстрировала рост к 1938 г. Но при этом делается важное и верное замечание: «Резкое увеличение поляризации в системе происходит не в 1938 г., а в 1941-м. До этого момента Гитлер преуспел в том, чтобы нейтрализовать Советский Союз и избежать войны с Соединенными Штатами и таким образом оба эти мощнейших государства остались вне альянса западных стран. В дополнение к этому, германо-японский союз и советско-германский пакт о ненападении сыграли роль в том, что войны в Европе оказались отделены от войн в Азии. Всё это прекратилось, когда в силу своих ошибочных решений³⁹ Гитлер и Япония преуспели в поляризации системы, осуществив нападение на Советский Союз и на Соединенные Штаты. Эти два расширения войны во многом объясняют ее масштаб, ожесточенность и продолжительность»⁴⁰.

На наш взгляд, именно фактор лидерства Германией в обладании совокупной военно-экономической мощью среди государств Европы сыграл важную роль в том, что в 1939 г. сложились условия для возникновения войны, а военно-стратегические и политические расчеты германского руководства исходили именно из этой «стар-

³⁷ *Lebow R.N. Why Nations Fight. Past and Future Motives for War. Cambridge (UK); New York; Melbourne, 2010. P. 39.*

³⁸ *Vasquez J.A. The War Puzzle. P. 257–258.*

³⁹ У Васкеса буквально — «по глупости» (by folly).

⁴⁰ *Vasquez J.A. The War Puzzle. P. 254–255.*

товой позиции». Такое положение стало необходимым и достаточным условием для того, чтобы нацистская Германия могла начать европейскую войну для реализации своих государственных интересов. Если это состояние преобладающей мощи Германии трактовать как условие *sine qua non*, то тогда в нем можно видеть и важнейшую причину непосредственного перехода системы международных отношений от кризисной нестабильности к состоянию войны в 1939 г. Отметим в этой связи взгляды видного американского специалиста по военной конфликтологии Р. Раммела, который всегда ставил вопрос об одновременном существовании «причин и условий» (“causes and conditions”) возникновения войн⁴¹. Раммел здраво рассуждает о том, что важнейшие причины войн и условия их возникновения могут быть описаны как «необходимые и достаточные» (“necessary and sufficient”), а по ходу развития конфликтных отношений возникают условия, ведущие к их обострению (“aggravating conditions”).

Здесь уместно подчеркнуть, что непосредственной причиной перехода конфликта в формат войны может быть не только событие (неразрешимый дипломатическим путем кризис или, например, пограничный инцидент), а само состояние отношений между непосредственными участниками конфликта и перспектива изменений этих отношений. Иными словами, достижение определенного состояния тоже может оказаться своеобразной *причиной-условием*. Осознание достигнутого превосходства в совокупной мощи одной из сторон в конфликте и видение возможности достичь успеха путем его обострения вплоть до применения силы может действовать как «спусковой механизм» для перехода конфликта в военную фазу. Именно такое положение в отношениях Германия — Великобритания и сложилось в первой половине 1939 г. В видении Германии оно содержало в себе и опасность изменения благоприятных условий, и саму возможность начать войну. Такое состояние только усиливало проявление двух основных и имеющихся достаточных причин перехода конфликта в вооруженную фазу. По классификации Раммела — это изменение соотношения сил участников и желание по меньшей мере одного из них идти на обострение конфликта, дополненное его ожиданием успеха (*significant change of balance of power / will-to-conflict / expectation of success*). Именно такое сочетание базовых причин и особых условий мы наблюдаем в ситуации англо-германского противостояния в 1939 г.

Кроме изменения соотношения в мощи между великими державами заметными факторами, которые вели к формированию «потен-

⁴¹ Rummel R.J. Understanding Conflict and War: Vol. 4. War, Power, Peace. Beverly Hills (CA), 1979. Chapter 16. Causes and Conditions of International Conflict and War.

циальной реальности» в системе международных отношений в конце 1930-х гг. стали следующие. Продолжался рост числа активных элементов, от поведения которых зависело общее состояние системы. Происходило ускоренное ослабление (вплоть до разрушения) договорного комплекса, лежавшего в основе Версальского миропорядка. Эта система, установленная в Париже, Вашингтоне и Локарно, перестала в полной мере действовать к 1938 г. Денонсация Германией важнейших пост-Версальских договоров (англо-германского морского соглашения, польско-германского договора о ненападении) весной 1939 г. стала завершением этого процесса. В этих условиях также происходило одновременное вытеснение старых связей новыми, менее устойчивыми. Примеры создания «Балканской Антанты», различные шаги средних и малых стран Европы в смысле поиска политических партнеров или же, напротив, создания искусственного псевдо-нейтралитета — лучшее тому подтверждение. Таким образом, происходило «замещение» старой договорной системы изменчивым комплексом других соглашений, определяющих (но не всегда фиксирующих на долгий срок) отношения и обязательства государств. Провозглашение «гарантий» Великобритании и Франции в отношении Польши и других стран (март–апрель 1939 г.) было попыткой создать новый комплекс договоров в сфере безопасности, но обязательства помощи в сохранении независимости малых и средних стран Европы не были подкреплены безусловно преобладающей мощью и политической волей двух великих держав-«гарантов».

Всё это создавало довольно широкое «поле» для эвентуально-го формирования новых типов взаимодействия государств разного уровня международно-политической иерархии (великих держав и малых стран), заключения иных соглашений, по сути своей способных кардинально изменить обстановку и общее состояние системы. В этой сфере происходило движение в сторону дальнейшего ослабления устойчивых связей элементов системы и принятие относительно малозначимых, как тогда многим казалось, решений (например, отказ Бельгии от военной конвенции с Францией или прокламирование осенью 1937 г. Грецией полностью «независимой» внешней политики). На дипломатическом «фронте» шла борьба, в ходе которой могли прорисоваться новые крупные соглашения между великими державами. Эти новые связи имели потенциал для полного изменения состояния системы международных отношений. Таким соглашением, как известно, мог бы стать англо-франко-советский комплекс политических и военных обязательств по итогам переговоров июня–августа 1939 г., а в реальности стали «Стальной пакт» Германия–Италия (22 мая 1939 г.) и «пакт Молотова–Риббентропа»

(23 августа). Резкое изменение де-факто существующих отношений между ключевыми элементами состояло в том, что великие державы из состава прежнего функционального ядра явно находились на траектории ослабления мощи, если не сказать — общего упадка относительно своих явных конкурентов. Возросла роль элементов, не входивших на начальном этапе складывания Версальского миропорядка в группу, определявшую параметры состояния системы на долгий срок, но теперь способных претендовать на роль нового функционального ядра системы. Такими элементами стали две великие державы — Германия и Советский Союз. Обе они находились в конце 1930-х гг. на траектории роста совокупной мощи.

Еще три великих державы (Япония, Италия и США) к группе «хранителей порядка», приверженцев статус-кво, не примыкали. Под действием этого фактора позиции прежнего функционального ядра системы заметно ослабевали. В частности, Соединенные Штаты Америки к концу 1930-х гг. нельзя было отнести к числу великих держав, безусловно нацеленных на сохранение основ Версальского миропорядка и способных приложить к этому процессу свою мощь. Экономический кризис 1937 г. вновь поставил вопрос о приоритетности проблем внутренней политики по сравнению с внешними делами. Озабоченность ростом напряженности на Дальнем Востоке и конфликтными отношениями с Японией преобладала над вниманием Вашингтона к европейским коллизиям.

Процесс формирования биполярности в системе международных отношений в период 1938–1939 гг. был налицо, но не обрел завершения ни в 1938, ни в течение первой половины 1939 г. Однако роль «поляризации» в системе, резкого расхождения интересов внутри группы великих держав, т.е. складывания биполярности как нового макроструктурного принципа организации системы, теперь состояла в том, что это положение дел дополнило «смену лидера» в мощи на глобальном уровне. Состояние системы международных отношений приобрело принципиально новое макроструктурное качество. Иными словами, вторым важнейшим условием, при котором сначала европейская, а затем и мировая война оказались возможными, стала *незавершенная биполярность структуры* системного состояния, сложившаяся в первой половине 1939 г. Эта особенность возникла в силу незаконченного процесса формирования противоборствующих военно-политических союзов. В итоге сложной политико-дипломатической борьбы противостоящие друг другу блоки были оформлены как англо-франко-польская коалиция и германо-итальянский союз. Отметим, что наиболее очевидной характеристикой, которая свидетельствовала о незавершенности структур-

ных сдвигов, было то, что три из семи великих держав остались по разным причинам в стороне от формального вхождения в военные блоки. Мировая война началась и шла до 1941 г. без их прямого участия.

В объяснении условий начала Второй мировой войны для нас разумными представляются гипотезы, которые теоретически сформулировал С. Ван Эвера. Он считает, что война более вероятна тогда, когда государства становятся жертвами ложного оптимизма по поводу ее исхода (т.е. участники уверены в своей победе). Вероятность войны возрастает тогда, когда одна из сторон в конфликте обладает преимуществом для мобилизации или нападения, особенно для того, чтобы сделать «первый ход» (first-move advantage). Война, по мнению Ван Эверы, более вероятна в условиях, когда мощь государств относительно друг друга испытывает резкие колебания, и тогда, когда «окна возможностей и уязвимости» для конфликтующих государств велики. Начало войны более вероятно тогда, когда ресурсы имеют «кумулятивный» характер, т.е. их накопление усиливает эффект действий государства, и тогда, когда прямой захват (территорий и ресурсов) осуществляется относительно легко (“Conquest is easy”)⁴². На наш взгляд, в отношении ситуации накануне Второй мировой войны особую роль сыграло именно складывание «окна возможностей», в рамках которого могло существовать изменчивое соотношение наступательных и оборонительных компонентов мощи государства. Это «окно» Ван Эвера видит, прежде всего, как сочетание роста наступательной мощи государства с действиями, которые быстро изменяют соотношение сил. Возникновение такого «окна возможностей» означает появление комплекса, в котором сочетаются и условия, и мотивы, и решения о начале войны. Когда для одного государства возникает «окно возможностей» для быстрой реализации своих целей, межгосударственные соглашения становятся менее прочными. Государства, укрепившие свою мощь, склонны разрывать договоренности, достигнутые тогда, когда они были слабыми, а их ожидания выгоды от начала войны возрастают. Дипломатический процесс ускоряется или резко прерывается (становится «усеченным»; truncated diplomacy). Примерно так можно обрисовать ситуацию конца 1930-х гг.

Представленные выше концептуальные положения, конечно, требуют дальнейшего разъяснения и «встраивания» в контекст конкретно-исторических материала, в ткань событий, происходивших в 1939 г. К. Грэй⁴³ особо привлекает внимание к этой проблеме:

⁴² Van Evera S. Op. cit. P. 4.

⁴³ Gray C.S. Another Bloody Century. Future Warfare. London, 2005. P. 55–97.

возникновение войн подразумевает существование определенных контекстов (политического, социокультурного, технологического, исторического и стратегического). Если принимать во внимание точку зрения этого ученого, то в самой сжатой форме можно заметить следующее. Политический контекст мировых войн был задан борьбой великих держав за гегемонию. В этой борьбе колебания соотношения мощи между ними играли ключевую роль. Во Второй мировой войне особый колорит событиям добавили политические идеологии (нацизм, фашизм, либерализм и советская версия коммунизма), столкнувшиеся в мировой войне вместе с государствами и социумами — их носителями. Макроструктурный контекст начала войны был определен процессом складывания биполярности, который не был завершен до действительного открытия боевых действий и прямого столкновения великих держав. Только в начале 1942 г. этот процесс завершился, и макроструктура международных отношений обрела окончательную, хотя и не полностью статичную, форму противоборства двух «полюсов» как военно-политических коалиций. «Стратегический контекст» был задан асимметрией стратегического мышления противоборствующих группировок на начальном этапе войны. Технологический контекст возникновения войны был определен как массированным применением техники (прежде всего авиационной и бронетанковой), так и незавершенным процессом модернизации и перевооружения армий всех ее участников. Социокультурный контекст начала войны в 1939 г. сложился таким, что социумы и элиты нескольких стран были нацелены на ведение войны и победу в ней, а ряда других стран — на реализацию широкого спектра государственных интересов без вовлечения в войну. В итоге общая картина перед началом войны была такова, что складывание выгодной для Германии структурной композиции системы в форме незавершенной биполярности оказалось результатом совместного и одновременного, «синергетического» действия целого комплекса факторов на международной арене.

Незавершенная биполярность в структуре системы сама по себе не является единственной причиной войны. Мы рассматриваем ее всего лишь как весьма важное и необходимое условие для ее начала. Именно эти особые условия — общая турбулентность в системе и незавершенная биполярность структуры — способствовали созданию того, что можно назвать «окно возможностей» для нацистской Германии. Это «окно» и было использовано для ускорения реализации планов войны против Англии и Франции (через нападение на Польшу). Незавершенная биполярность структуры и «окно возможностей» весны–лета 1939 г. (связанные между собой, но не полно-

стью тождественные комплексы условий) создали Германии именно тот уникальный шанс, которым она и воспользовалась.

К лету 1939 г. стало окончательно ясно, что США останутся в стороне от европейского кризиса. Тогда от формирования действенного союза с Лондоном и Парижем эта держава была весьма далека. Именно это и требовалось Гитлеру. Данное обстоятельство было как будто одной из «створок» раскрытого перед нацистским агрессором «окна возможностей». Другой огромный успех Германии состоял в том, что она смогла договором 23 августа (пресловутый «пакт Молотова–Риббентропа») на некоторое время «вывести из игры» еще и СССР. Вторая «створка» окна возможностей также оказалась открытой настежь. Видимая в этом окне перспектива содержала высокие шансы на успех в борьбе с отнюдь не самыми мощными противниками. Любая иная комбинация антигерманских сил — с участием или США, или Советского Союза на стороне Великобритании — таких шансов Германии не сулила. В общем итоге к лету 1939 г. наметившаяся тенденция к биполярности структуры в системе международных отношений, которая могла бы охватить все великие державы, приостановилась, даже утасла, не нашла полной реализации. Особо отметим следующее: на наш взгляд, тренд к дальнейшей поляризации в системе, а, следовательно, и к завершению структурного оформления двух военно-политических блоков, в долговременном смысле был бы отнюдь не на пользу Германии. Остановка процесса поляризации структуры в системе дала Германии максимально выигрышные позиции для начала агрессивной войны. Как показали дальнейшие события, Германия оптимально смогла реализовать свои замыслы в смысле нанесения поражения своим главным соперникам на начальном этапе. Состояние равновеликой мощи противоборствующих группировок накануне войны не сложилось. Не было даже полного разделения всех великих держав на группы, явно нацеленные на масштабное и долгосрочное, жесткое и бескомпромиссное (вплоть до применения вооруженной силы), противоборство. Однако для начала войны оказалось достаточным появление двух групп — германо-итальянского и англо-французского альянса. Сложилось не биполярность глобального масштаба, а то, что можно описать термином Ф. Уэймана — «биполярность кластеров»⁴⁴.

Так или иначе, середина 1939 г. — это время, когда в основных чертах внутри системы сложилась новая, вполне готовая к «выходу на поверхность», потенциальная реальность. Еще раз подчеркнем

⁴⁴ *Wayman F.W. Bipolarity and War: The Role of Capability Concentration and Alliance Patterns among Major Powers, 1816–1965 // Journal of Peace Research. 1984. Vol. 21. N 1.*

именно это, а вовсе не состояние полной и необратимой детерминированности, «неизбежности» войны. В отношении неизбежности войны можно согласиться разве что с одной фразой Р. Швеллера: «Война была неизбежна, и [Германии] лучше было начать сражаться сейчас, чем позднее»⁴⁵. В целом же мы скорее согласимся с трактовкой проблемы неизбежности войны, которую предлагают В.О. Печатнов и А.С. Манькин. Эти авторитетные ученые замечают, что после мюнхенских событий война в Европе оказалась неизбежной: «Мюнхенский сговор способствовал тому, что кризис Версальской системы перешел в фазу ее распада. С позиций нынешнего дня очевидно, после этих фатальных событий предотвратить войну было уже невозможно. Тогда это обстоятельство было очевидно далеко не всем»⁴⁶. Неизбежной в сентябре 1939 г. войну сделало совпадение в одном комплексе и на одном временном отрезке всех условий, необходимых и уникально выгодных для инициатора войны — нацистской Германии.

References

Batalov E.Ya. *Mirovoye razvitiye i mirovoy poryadok. Analiz sovremennykh amerikanskikh kontseptsiy* [World Development and World Order. An Analysis of Contemporary American Concepts]. Moscow: ROSSPEN, 2005. 374 p.

Batalov E.Ya. *O filosofii mezhdunarodnykh otnosheniy* [On the Philosophy of International Relations]. Moscow: NOFMO, 2005. 132 p.

Blainey J. *The Causes of War*. New York, London, Toronto, Sydney: The Free Press, 1988. 325 p.

Buber-Neumann M. *Mirovaya revolyutsiya i stalinskiy rezhim. Zapiski ochevidtса o deyatelnosti Kominternа v 1920–1930-kh godakh* [The World Revolution and the Stalinist Regime. Eyewitness Notes on the Activities of the Comintern in the 1920s and 1930s]. Moscow: AIRO XX, 1995. 261 p.

Cook Ch., Stevenson J. *Yevropa v dvadtsatom stoletii. Spravochnik izdatel'stva "Longman"* [Longman Handbook of the Twentieth Century Europe]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2005. 465 p.

Corum J.S. *The Roots of Blietzkrieg. Hans von Seeckt and German Military Reform*. Lawrence (Kansas): University of Kansas Press, 1992. 294 p.

Gray C.S. *Another Bloody Century. Future Warfare*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2005. 431 p.

Gray C.S. *Modern Strategy*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1999. XII, 412 p.

Houweling H.W., Siccama J.G. *A Two-Level Explanation of World War II Parity and War. Evaluations and Extensions of "The War Ledger"* / Ed. by Jacek Kugler and Douglas Lemke. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P. 107–116.

⁴⁵ Schweller R. Op. cit P. 141.

⁴⁶ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М., 2015. С. 232.

- Istoriya zapadnoyevropeyskikh armiy* [History of Western European Armies] / Ed. by V.A. Zolotarev. Moscow: Yevrolints [et al], 2003. 461 p.
- Jackson J. *The Fall of France. The Nazi Invasion of 1940*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2003. 296 p.
- Kostyuk V.N. *Potentsial'naya real'nost'* [Potential Reality] // *Sistemnyye issledovaniya. Metodologicheskiye problemy. Yezhegodnik* [Systemic Research. Methodological Issues. Yearbook]. 1992–1994 / Ed. by D.M. Gvishiani, V.N. Sadovskiy. Moscow: Editorial URSS, 1996. P. 110–123.
- Lebow R.N. *Why Nations Fight. Past and Future Motives for War*. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 2010. 295 p.
- Liddell Hart B. *Vtoraya mirovaya voyna* [History of the Second World War]. Moscow: AST; Saint Petersburg: Terra Fantastica, 1999. 375 p.
- Mawdsley E. *World War II. A New History*. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 2009. 410 p.
- McNab Ch. *Sekretnyye plany natsistov. Novyy poryadok dlya pokorennogo mira* [Germany's Secret Masterplan: How the Nazis Planned to Shape the World After Victory in World War II]. Moscow: Izdatel'stvo "E", 2016. 223 p.
- Mearscheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, London: W.W. Norton, 2001. XVI, 555 p.
- Organski A.F.K., Kugler J. *The War Ledger*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 292 p.
- Overy R. *The Origins of the Second World War*. London: Routledge, 2008. 192 p.
- Pavlov N.V. *Istoriya vneshney politiki Germanii ot Bismarka do Merkel* [History of German Foreign Policy from Bismarck to Merkel]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2012. 800 p.
- Pechatnov V.O., Manykin A.S. *Istoriya vneshney politiki SShA* [History of USA Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2015. 672 p.
- Rummel R.J. *Understanding Conflict and War*. Vol. 4. War, Power, Peace. Beverly Hills: SAGE Publications, 1979. 479 p.
- Schweller R.L. *Deadly Imbalances. Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest*. New York: Columbia University Press, 1998. X, 267 p.
- Van Evera St. *Causes of War. Power and the Roots of Conflict*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1999. VII, 270 p.
- Vasquez J. *The War Puzzle*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. XIII, 378 p.
- Vasquez J. *When Are Power Transitions Dangerous? An Appraisal and Reformulation of Power Transition Theory // Parity and War. Evaluations and Extensions of "The War Ledger"* / Ed. by Jacek Kugler and Douglas Lemke. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P. 35–56.
- Wayman F.W. *Bipolarity and War: The Role of Capability Concentration and Alliance Patterns among Major Powers, 1816–1965 // Journal of Peace Research*. 1984. Vol. 21. N 1. P. 61–78.

Поступила в редакцию
25 сентября 2021 г.